НАДЕЖКИН ИГОРЬ

БЕСКОНЕЧНЫЕ НОЧИ ИНДИИ

18+

Игорь Надежкин

Бесконечные ночи Индии

«Автор»
2026

Надежкин И.

Бесконечные ночи Индии / И. Надежкин — «Автор», 2026

Путешествие в повседневную жизнь современной Индии. Не той, что на открытках с йогой и Тадж-Махалом, а той, в которой живут обычные люди.Герой почти три года прожил в маленькой деревне в Гоа. Снимал дом у индийской семьи, стоял в бесконечных пробках, сидел с друзьями в уличных забегаловках. Он видел, как роскошь и нищета живут бок о бок и как древние традиции до сих пор решают, кому с кем можно сесть за один стол.Рассказы о стране крайностей глазами русского, который жил в ней, а не проезжал мимо.

© Надежкин И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Индия 6
Глава 2. Господин Бхарата 7
Глава 3. Половина билета 12
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Игорь Надежкин
Бесконечные ночи Индии

18+

Все события и персонажи этой книги вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми случайны.

Книга содержит сцены насилия и упоминания наркотических веществ.

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещён и влечёт установленную законодательством ответственность.

Глава 1. Индия

Когда меня спрашивают, что же такое Индия, — я не нахожу, что ответить. Я прожил в Индии без малого три года. И ни на дюйм не приблизился к пониманию того, что здесь происходит. Каждый раз, выходя из дома, я оказывался в новой, не известной мне прежде стране. Каждый миг она открывала для меня новые грани, заставляя то любить, то ненавидеть ее. То же самое было и с местными. Невозможно описать среднестатистического индийца. Здесь нет ничего среднего. Все здесь бросается из крайности в крайность. И уж тем более никто и никогда не вел здесь никаких статистик.

Я видел, как люди здесь раскрывались в лучших моментах. Видел, как однажды утром, когда все лениво плелись на работу, а местные мужчины пили свой первый масала-чай у газетных киосков, полный автобус совершенно незнакомых людей, что еще мгновенье назад сидели, печально уткнувшись в окна, запели хором песню, что заиграла по радио, улыбаясь друг другу и пританцовывая. Я знал парня, у которого на железнодорожной станции, где-то неподалеку от Калькутты, украли все деньги и документы, и жители маленькой деревушки на протяжении двух недель, пока он ждал приезда своих друзей, пускали его ночевать в свои дома, а владельцы местных ресторанчиков по очереди кормили его, не требуя ничего взамен. И в то же время, когда по вине другого водителя мне не посчастливилось разбиться на мотоцикле, никто не вызвался мне помочь, потому что все видели, что виноват был местный, а значит, согласно неписаному закону, они обязаны были встать на его сторону. И лишь отводили от меня взгляд, пока я обрабатывал раны, дожидаясь полиции. Миллионы раз местные пытались обсчитать или обворовать меня. И в то же время миллионы раз помогали мне. И, что самое странное, это были одни и те же люди. Они стеснялись беспокоить меня просьбами, а порой даже просто посмотреть на меня. Но при этом в окружении индийцев вам придется лицезреть их плевки, отрыжки и сморкания. Местные водители совершенно наглым образом подрезали и выдавливали меня с дороги, но при этом виновато шептали: «Прости, мой друг. Прости».

Именно поэтому, близко познакомившись с этой страной и ее обычаями, я не могу сказать, что же она из себя представляет. Ведь Индия — это не территория. И даже не народ. Индия — это миллион хаотичных событий. И мне бы так хотелось рассказать об Индии что-то цельное и связное, но в Индии нет и намека на цельность, есть только тысячи отдельных историй, часть которых вам предстоит узнать.

Глава 2. Господин Бхарата

Когда я слышу слово «индиец», я сразу представляю одного из своих домовладельцев — господина Анкуша Бхарату. Этот худощавый черноволосый мужчина средних лет навеки стал для меня воплощением всего индийского народа. Навряд ли вы бы приметили его среди полутора миллиардов других индийцев. Как и большинство мужчин его возраста, он носил пышные усы. Гардероб его состоял из десятка однотонных хлопковых рубашек, серых брюк на «подстрел» и сланцев. Водил он мотоцикл индийской сборки, каких миллионы колесили по дорогам страны. Жена его носила цветные сари. Его мать, как и положено индийской вдове, облачалась в белое. Дети его носились туда-сюда по двору, с ног до головы перепачканные пылью. И жили они, как и полагается, все в одном доме.

Дом этот располагался в крошечной деревушке под названием Агарвадо возле поселка Сиолим, который, по сути, и сам был деревней. Словом, жил господин Бхарата на отшибе мира сего. В деревне был всего один магазин (хотя называть его так было бы большим преувеличением), один храм да несколько лавок с овощами и фруктами у обочины. Во дворе дома господина Бхараты стоял алтарь, вокруг которого кружилась кошка. Первый этаж здания предназначался для хозяев. Второй был поделен на две небольшие квартиры и сдавался в аренду, принося господину Бхарате дополнительный доход, делая его, по местным меркам, человеком весьма небедным. Господин Бхарата был влиятельным и уважаемым человеком в деревне.

Соседи отзывались о нем исключительно положительно. Он был участливым и интеллигентным. Более того, был начитан, что в Индии встречается крайне редко. Работал он в библиотеке столицы округа, а значит, работал на государство, что имеет в Индии особое значение. Только государственные служащие получают в этой стране пенсии и могут позволить себе взять больничный. Работа на государство считается в Индии делом почетным, и, если у индийца есть родственник, служащий в той или иной государственной структуре, пускай даже очень дальний родственник, он непременно упомянет об этом в разговоре, а еще лучше несколько раз, чтобы вы наверняка были об этом осведомлены. Сам господин Бхарата своим положением не кичился и с удовольствием проводил вечера за игрой в карты с простыми работягами, что жили по соседству. Споры у него возникали только с соседом справа, с которым они никак не могли поделить смежный кусок земли, на котором оба хотели устроить парковку для мотоциклов. Хотя лично мне этот спор казался абсурдным, ведь там хватало места не только для их, но и для моего мотоцикла. Но будем честны: ни один порядочный индиец не упустит возможности поругаться с соседями из-за клочка земли.

С господином Бхаратой я познакомился осенью 2017 года, когда поселился в одной из его квартир. Это было приятное местечко с достойным ремонтом и всеми необходимыми удобствами (конечно же, в условиях индийской деревни). Я провел немало прекрасных вечеров в этой квартире. Там была маленькая кухня, гостиная и спальня, но главным достоинством этой квартиры был огромный балкон, с которого открывался вид на раскидистое манговое дерево и тихую деревенскую улочку. Эта квартира не раз служила мне утешением в те моменты, когда я был готов купить билет на ближайший рейс и навсегда покинуть Индию.

При первой же нашей встрече господин Бхарата произвел на меня впечатление человека воспитанного и порядочного. Рукопожатие его было твердым, но не агрессивным. Он очень хорошо говорил по-английски, почти без акцента, что нечасто встретишь в индийской глубинке. Его смуглое лицо украшала доброжелательная улыбка. А цена, что он обозначил за свою квартиру, была вполне разумная, что совершенно не свойственно индийцам, которые, увидев европейца, обычно тут же завышают арендную плату вдвое. Он поприветствовал меня и мою жену, что охарактеризовало его как человека современных взглядов, ведь обычно в Индии женщина в присутствии мужа не удостаивается ни малейшего внимания. Он справился о том,

как началось наше пребывание в Индии, и очень обрадовался, когда узнал, что мы приехали сюда по работе и планируем арендовать квартиру на долгий срок. После осмотра помещения он деловито огласил все условия аренды и проживания, а также ненавязчиво спросил, законные ли мы супруги (порядочный индиец не допустит проживания в своем доме пары, не состоящей в браке). После мы пожали друг другу руки и закрепили сделку чашечкой чая, который приготовила нам его жена. Тем же вечером мы перевезли наши вещи в квартиру.

По мере того как я все больше и больше приживался в деревне, мои отношения с господином Бхаратой все больше переходили из исключительно деловых в приятельские. Иногда, возвращаясь домой, я останавливался, чтобы перекинуться с ним парой слов. Поначалу это были обычные светские беседы Индии:

— Вы читали новость о повышении налога для малого бизнеса?

— Конечно. Это выльется в большие проблемы для нас всех. Торговцам придется поднять цены, а простым людям и без того приходится несладко.

Или:

— Вы видели эту ужасную аварию на мосту?

— Я как раз ездил в город. Надеюсь, все выжили. Что говорят очевидцы?

Но со временем темы наших разговоров становились все более личными, а беседы более длительными. Порой я обсуждал с ним то, что не мог рассказать жене. Мы говорили о наших детях и семьях, обсуждали работу и вскоре стали добрыми приятелями. Моя жена часто покупала гостинцы для хозяйских детей, когда шла в лавку к пекарю. Жена господина Бхараты угощала нас домашней бебинкой. И чем больше я узнавал господина Бхарату, тем больше симпатии он у меня вызывал. Меня привлекали его простота и искренность, а также невероятная стойкость характера. Мало кто знал об этом, но в жизни господина Бхараты все было не так уж безоблачно, как могло показаться. У господина Бхараты было трое детей: две дочери и младший сын, Прадош. Сын его был очень долгожданным ребенком. В Индии, где до сих пор властвует традиционный уклад, наличие наследника имеет для мужчины первостепенное значение. Появление мальчика в семье — это всегда большая радость и неожиданность. В стране широко распространена практика абортирования девочек, и врачам запрещено сообщать родителям пол ребенка.

Когда в родильном зале акушер объявил, что родился мальчик, счастью господина Бхараты не было предела. К тому времени он уже состоялся на работе. У него был большой дом и прелестная жена, а теперь еще появился тот, кому он сможет передать все, что заработал своим трудом. Но счастье его было недолгим. Первой беспокойство о мальчике высказала мать господина Бхараты. Женщине показалось странным, что ребенок никогда не смотрит людям в глаза и почти не реагирует на голос матери. Позже и его жена заметила, что малыш Прадош, играя с конструктором, идеально соблюдает единство цветов, что было не свойственно трехлетнему ребенку. А после и сам господин Бхарата стал замечать, что Прадош истерически плачет каждый раз, когда кто-то пытается взять его на руки. Было принято решение отвезти мальчика в столицу штата, где доктор поставил диагноз, от которого земля ушла из-под ног господина Бхараты. Стало ясно, что у Прадоша серьезные отклонения в развитии, и он никогда не сможет жить полноценной жизнью. Узнав о недуге сына, господин Бхарата на долгие месяцы впал в уныние. Он стал нелюдим и почти каждый вечер наведывался в бар в соседней деревне. В те дни лишь забота и совершенно фанатичная любовь жены помогли пережить ему страшное известие. А со временем он понял, что должен любить своего сына несмотря ни на что, и, как признался мне сам господин Бхарата, беда помогла ему еще сильнее сплотиться с женой.

Долгие годы господину Бхарате приходилось прятать своего сына от соседей. В Индии рождение подобного ребенка в семье мгновенно становится поводом для сомнения в моральных устоях родителей. В мировоззрении индуиста рождение особого ребенка служит наказанием богов за содеянное в этой или в прошлой жизни. До открытых упреков и травли обычно

доходит редко, но слухи и сплетни становятся постоянными спутниками несчастной семьи. Жену могут заподозрить в неверности. Мужа — в пристрастии к другим мужчинам и извращенным формам любви. И хоть в современных городах люди давно уже научились относиться к таким семьям с сочувствием и пониманием, в деревнях они по-прежнему могут стать жертвами сплетен.

С годами, когда Прадош становился старше, прятать сына и его недуг становилось все труднее. Прадош был некоммуникабелен и по ночам часто выкрикивал свое имя или звал отца, так что слышно его было даже на другой стороне улицы. Некоторые члены семьи знали правду о нем, но тоже держали язык за зубами. Всему пришел конец, когда Прадошу исполнилось восемь лет. Однажды утром, когда жена господина Бхараты была занята стиркой, Прадошу удалось вырваться из заточения и выбежать за ворота. Он бегал по улице и громко кричал. Увидев его, соседи прильнули к окнам. Когда мать поняла, что случилось, и завела мальчика обратно в дом, по деревне уже расползлись слухи, которые распространяются в Индии быстрее, чем электричество по проводам. Узнав об этом, господин Бхарата принял единственно верное решение. На ближайшем празднике, когда вся деревня собралась в храме, господин Бхарата вышел к людям с Прадошем и произнес весьма провокационные для индийского сельского общества слова:

— Я думаю, уже все знают, что за секрет мы прятали с женой так много лет. И я рад, что все наконец-то раскрылось. Теперь, когда все точки над «i» расставлены, я горд сказать, что не стыжусь своего сына. И знайте, любой, кто хочет сказать что-то о моей семье, пусть придет в мой дом и скажет мне это лично, либо же пусть не смеет открыть свой рот никогда, иначе он тут же станет моим врагом.

С того дня господин Бхарата уже никогда не прятал Прадоша, и никто не смел сказать дурного слова в его отсутствие. Жизнь в доме господина Бхараты пошла своим чередом, и в нем воцарилось спокойствие, которое я имел удовольствие наблюдать, когда поселился там. Конечно, как и прежде, Прадош требовал постоянного ухода и присмотра, и любой, кто думает, что забота о таком ребенке — это плевое дело, должно быть, чертовски глуп, но я могу сказать лишь одно: сам господин Бхарата считал себя человеком счастливым, и у меня не было повода усомниться в его словах.

Вообще, большинство людей, наверное, сочли бы жизнь господина Бхараты скучной и неприметной. Но поверьте мне: счастье всегда кроется в простых вещах. Каждый день господин Бхарата просыпался с рассветом и шел принять душ. Затем он ел свой завтрак, заранее приготовленный его женой, и слушал новости по телевизору. После он надевал свежую отглаженную рубашку и выходил из дома, отдав недоеденный с вечера ужин бродячей корове, что все время спала у него во дворе. Первым делом он шел к парикмахеру. Сидя в очереди, он успевал прочесть свежую газету и обсудить новости с другими мужчинами. Господин Бхарата носил стильную, уложенную набок стрижку и пышные усы. Он очень гордился ими и каждое утро забегал привести их в надлежащий вид. Из парикмахерской господин Бхарата направлялся в маленький ресторанчик, где покупал себе ланч на работу (обычно это был рис и овощи), потом заводил свой мотоцикл и ехал в город.

Навряд ли вы думаете, что в работе библиотекаря есть что-то хоть сколько-нибудь интересное. Стоит лишь сказать, что к ней господин Бхарата относился крайне ответственно. На его столе всегда был порядок. Он никогда не позволял себе отлучиться или задремать на рабочем месте. Библиотека, в которой работал господин Бхарата, не могла похвастаться большим выбором книг. Посещали ее в основном школьники и студенты, да старики, что не могли позволить себе новый выпуск любимых журналов.

Иногда забегала местная детвора, чтобы поразглядывать комиксы про полицейского из Мумбаи по имени Кхан или же про приключения Кришны. Детей этих господин Бхарата безвозмездно учил читать, хотя мало кто из них тянулся к знаниям, и почти все труды его прохо-

дили напрасно. Но это было неважно. Делал он это не тщеславия ради, а потому что верил, что, лишь вкладывая усилия в развитие новых поколений, его страна сможет стряхнуть с себя пыль бедности и упадка и войти в новую эру сильной и самодостаточной Индии. Господин Бхарата был настоящим патриотом. Он не был слепо влюблен в Индию и видел все ее недостатки, но каждый день делал все, что было в его силах, чтобы эти недостатки исправить. В обеденный перерыв господин Бхарата выходил на улицу и ел свой ланч, после он отправлялся вздремнуть во внутренний двор.

Господин Бхарата никогда не позволял себе опаздывать даже на несколько минут, что совершенно не свойственно индийцам. До вечера он возился у стеллажей и заполнял бесконечные бланки и формы. В пять часов господин Бхарата покидал свой кабинет, оставляя библиотеку на попечение пожилого охранника, что дежурил по ночам и заодно прибирался во дворе, хотя его скромные манипуляции с метлой сложно было назвать уборкой.

По дороге домой господин Бхарата заезжал на рынок купить курицы, рыбы и свежих овощей. Иногда наведывался в местный ресторанчик выпить пива с друзьями. Домой господин Бхарата возвращался около семи вечера. Он ужинал, сметал во дворе опавшие листья, поливал сад и выставлял благовония у домашнего алтаря. После они всей семьей усаживались у телевизора, где и проводили весь вечер вплоть до одиннадцати часов, когда все жители дома господина Бхараты отходили ко сну. И все это повторялось день ото дня.

Как я уже говорил, господин Бхарата был человеком малопримечательным, но в этом и была его великая ценность, ведь такие простые служащие и работяги, как никто другой, отображают менталитет и образ страны. Они ее отражение. Ее фундамент. Они — концентрация ее мыслей и взглядов, ее устоев и обычаев. Они не вершат судеб, но каждый день они делают свою работу, как винтики в механизме, и вращают колесо истории. А в Индии, как нигде в мире, знают, что при потере даже самой крошечной детали ломается и рушится все. Правитель управляет страной. Сапожник ее обувает. А шудры вычищают за ними грязь. Так и господин Бхарата, расставляя по полкам книги и заполняя библиотечные карточки, знал, что является важной частью высшего порядка и что от него зависит всеобщее будущее. И если кто-то предложил бы ему другую работу, он наотрез отказался бы, ведь дхарма велит ему исполнить свой долг, и он делает это с честью.

Господину Бхарате не были знакомы колебания и волнения. Его вера давала ему понимание того, что, как и когда он должен делать, и в душе его царил покой. Каждый прожитый им день был наполнен смыслом и осознанием собственной значимости. Мужчина был практически лишен необходимости делать выбор и просто жил по предписаниям, а я так и не смог понять, что же преобладает во мне, когда я думаю об этом — жалость или зависть к господину Бхарате.

Как и большинство индийцев, господина Бхарату мало интересовала обстановка на мировой политической арене, и выборы главы деревни волновали его куда больше всех революций мира, вместе взятых. Даже несмотря на свою эрудированность, господин Бхарата был плохо знаком с мировой историей, а его познания в географии можно было назвать и вовсе скудными. Индийское общество самодостаточно и очень неохотно сливается с остальным миром. К примеру, господин Бхарата знал столицы всех индийских штатов и говорил на трех языках и нескольких диалектах, но при этом долго не мог понять, почему Чехия и Болгария не являются регионами России. И почему я ни слова не понимаю по-литовски, ведь мы живем так близко, в одной Европе. Но, прежде чем вы начнете скабрезно посмеиваться над господином Бхаратой, позвольте спросить вас: поймет ли житель Коломбо жителя Тамилнаду? Житель Кералы жителя Бангладеш? И кто из них живет в одном из штатов Индии, а кто является гражданином другого государства?

Родился господин Бхарата в семье школьного учителя. Его мать была выдана замуж по велению родителей, но можно сказать, что брак их был относительно счастливым. Родители

господина Бхараты не любили друг друга в нашем понимании, но относились друг к другу с почтением и уважением. В браке они прожили до старости, пока отец господина Бхараты не скончался в возрасте шестидесяти трех лет от ишемической болезни сердца (в Индии тех времен считалось, что он прожил долгую жизнь). Семья их никогда не бедствовала, но и назвать их богачами я бы не решился. К моменту нашего знакомства у господина Бхараты был определенный статус в обществе, но этого ему приходилось добиваться очень долго. В школе он мало чем отличался от своих сверстников, разве что меньше слонялся по улицам и уделял учебе чуть больше времени. То же самое было и в студенческие годы. До женитьбы он увлекался политикой и даже был действующим членом коммунистической партии, но с появлением семьи все это ушло на второй план. Спутницу жизни господин Бхарата выбирал не по велению сердца, а по строгому расчету и предписаниям астролога. Но уже в первые месяцы брака между господином Бхаратой и его женой стала возникать симпатия, и в их отношениях зазвучали нотки романтики. Пускай начиналось все прагматично, к моменту нашего знакомства в их браке было много нежности и чувственности. Но вместо тысячи объятий и поцелуев о чувствах господина Бхараты говорил один маленький цветок из палисадника, который он оставлял для своей жены на окне каждое утро. В воспитании детей он почти не принимал участия и вмешивался, только когда отпрыски совсем отбивались от рук. Не знаю, наказывал ли он их физически, но я бы ничуть не удивился, если бы узнал об этом, ведь в Индии от этой практики навряд ли откажутся даже через сотню лет. К матери господин Бхарата относился с почтением, хотя после смерти отца именно он стал главой семьи, и вдова не могла перечить сыну, и все важные решения принимались им единолично. Иногда ему случалось ошибаться, но упрекнуть его никто не смел. И чтобы хоть как-то повлиять на решения мужа, его жене приходилось прибегать к лести и хитрости.

Трудно сказать, был ли господин Бхарата хорошим человеком или плохим. Сомневаюсь, что в этом мире вообще существуют плохие или хорошие. Перечислив множество его достоинств, я обязан рассказать и о его недостатках. Господин Бхарата был предвзят к иностранцам и в любом конфликте вставал на сторону индийцев, следуя отчасти националистическим идеям, которые весьма популярны среди местных. Иногда он позволял себе грубые высказывания о других культурах, хотя он просто дублировал риторику местных политиков. И хоть я называл его человеком открытых взглядов, все же нужно сделать поправку на Индию. Пускай в меньшей степени, чем остальные, но ему был присущ шовинизм. Зачастую он пренебрежительно относился к женщинам, даже к своим дочерям, ведь именно Прадош пользовался самым пристальным вниманием отца.

Но, как я уже говорил, такова была современная Индия. А самого же господина Бхарату не стоит судить как отдельно взятую личность. Индийцам присущ коллективный образ мышления, в котором в первую очередь преобладает понятие «мы», а не привычное нам «я» и «они». Кто знает, может, в этом и есть доля смысла, а может, я просто пытаюсь оправдать недостатки человека, к которому испытываю симпатию. Лично я могу сказать лишь одно: господин Бхарата был индийцем до мозга костей, и не мне судить, хорошо это или плохо.

Глава 3. Половина билета

Помню, как ехал, запрокинув голову на подголовник, и смотрел, как Вишвас аккуратно пробирался через плотный поток. Он почти не смотрел на дорогу. Автомобиль мгновенно реагировал на движения его рук. Вишвас превосходно чувствовал габариты и без труда втискивался в узкие просветы в трафике. На протяжении последних десяти лет Вишвас водил огромный автобус, и езда на легковом автомобиле была для него проще пешей прогулки.

Вишвас ехал молча, за всю дорогу не проронил ни слова. Это заставляло меня напрягаться еще сильнее. Обычно он болтал без умолку, много шутил и подпевал магнитоле, откуда доносились песни из его любимых кинофильмов. Он громко хохотал, подкручивал свои усы и ерзал на сиденье. Сейчас же он был пугающе безмолвен.

Я знал Вишваса уже три года, наверное, даже можно сказать, что мы были друзьями. После работы мы часто засиживались в каком-нибудь ресторанчике на обочине. Если же нам приходилось работать ночью, Вишвас всегда пускал меня поспать в своем автобусе, хотя обычно он спал там один, и даже его помощнику приходилось искать себе другое место. Пару раз он приходил к нам в гости со своей женой, чтобы выпить пива и немного потрепаться. Он расспрашивал меня о России. Я расспрашивал его об Индии. Он был славным парнем. Ему давно уже перевалило за сорок, но его было очень трудно воспринимать всерьез. Он был очень маленького роста, около ста шестидесяти сантиметров, а при разговоре сильно шепелявил, поскольку под губой у него был бетель. Вишвас всегда носил однотонные футболки-поло, чистые и выглаженные, что было большой редкостью для Индии. По вечерам всегда надевал серую куртку и вязаную шапку, в которой выглядел еще нелепее. Но на самом деле Вишвас был серьезным и рассудительным человеком, и, несмотря на свои маленькие размеры, он обладал поистине огромным сердцем.

Мало кто знал об этом, но Вишвас, помимо своей жены, содержал еще жену и детей своего соседа, который вмиг пропивал все деньги, что попадали ему в руки. Вишвас заботился о своем молодом помощнике, который приехал сюда из Центральной Индии и только оторвался от своих родителей. Правда, заботился в странной манере, постоянно называя помощника «половиной билета» (в Индии старики, инвалиды и люди с ограниченными умственными способностями оплачивают только половину билета в автобусе). Не меньше помогал он и мне в первые недели работы, когда я ходил растерянный и все делал наугад, мало что смысля не только в своих обязанностях, но и в Индии в целом. Вишвас никогда не распространялся о своих добродетелях и не любил, когда о них говорили другие. Он просто сидел за рулем своего огромного автобуса, напевая что-то на хинди, да посмеивался над своим помощником, создавая вокруг себя легкую атмосферу, которой мне так не хватало в Индии.

Поэтому тем вечером мне было так неспокойно. Неспокойно было и от того, куда мы ехали. Мне хотелось растянуть дорогу как можно дольше, в надежде, что это хоть что-то изменит. До этого дня я не видел Вишваса уже почти два месяца. В этом году меня повысили, и мы редко виделись. Всё собирались поужинать вместе, но никак не находили время. В итоге увиделись только в этой чертовой машине, которая везла нас в окружной госпиталь, где лежал наш общий друг Стенли Диас.

Стенли Диас был пожилым гоанцем, ярым католиком и потомком португальских колонизаторов. Как и Вишвас, он работал водителем автобуса в нашей компании, только устроился он задолго до нас. Вот уже семнадцать лет он сидел за рулем. Видел все взлеты и падения и, как никто другой, знал свое дело.

Когда возникали проблемы и неурядицы, Стенли молча решал их, не дожидаясь указаний и просьб. Он воспитал, наставил и обучил, пожалуй, полсотни гидов и водителей и знал о работе компании больше, чем ее основатель. Недостаток у Стенли Диаса, или, лучше ска-

зать, Малыша Стенли, ведь именно так его называли, был только один — он был самым настоящим старым брюзгой. Если бы вы только знали, сколько раз мне приходилось слушать его крики… Особенно в начале работы, когда мы еще не были приятелями. Скажу даже больше: когда Малыш Стенли меня еще недолюбливал. Стоило мне совершить малейшую оплошность, как тут же слышался его раскатистый бас: «Ну что за тупой парень?» А стоило ему возразить, как он тут же свирепел: «А ну-ка посмотрите на него! Мистер большой босс! Стоит тут в своей белой рубашке и идиотском галстуке! Еще и смеет меня поучать. Каждый год вы приходите и уходите, а старик Стенли все сидит на своем месте. Так что слушай меня, может, чему-нибудь и научишься, если ты не совсем безмозглый», — а потом переходил на конкани. Когда я однажды спросил у его помощника Умеша, что говорит Малыш Стенли, тот лишь покачал головой и ответил своим смешным голоском: «Мой друг. Плохие. Очень плохие слова. Я не буду их повторять», — но со временем, не без помощи моей жены, которая сразу нашла общий язык с Малышом Стенли, мы попритерлись и даже стали приятелями. Мы не были так близки, как с Вишвасом, но на работе мы много общались и часто подшучивали друг над другом.

Прозвали Малыша Стенли так неспроста. Очень давно, когда он только пришел в компанию, здесь уже работали четверо Стенли, и один из них даже был Диасом (чаще, чем Диас, в Гоа встречается только фамилия Де Соуза), и начальник транспортного отдела записал его как «Малыш Стенли», поскольку ростом он был еще ниже Вишваса, к тому же очень щуплый и худощавый, словно голову взрослого мужчины надели на тело ребенка. Но не стоит обманываться на его счет. Поговаривали, что в молодые годы Малыш Стенли мог запросто задать трепку какому-нибудь бедолаге, что подрезал его на дороге. Лишь в единственном месте на земле Малыш Стенли был мягок и терпелив — у себя дома, где его ждали жена и две дочери.

Когда я познакомился с Малышом, его младшей дочери исполнилось всего десять лет, как и моему сыну, хотя Стенли был вдвое старше меня. В былые годы он считался тем еще ходоком, но, женившись, с удовольствием сменил славу дамского угодника на роль порядочного семьянина. Жена его была кроткой домохозяйкой и еще более набожной католичкой.

В своей преданности Иисусу Малыш Стенли мог дать фору любому священнику. Он не пропускал ни одной мессы. Строго соблюдал все посты и предписания церкви. Был у него даже свой особый ритуал, который он исполнял каждый день и каждую ночь. По дороге в аэропорт стоял мраморный крест возле одного храма. На крест этот прихожане вешали гирлянды из гвоздик. И каждый раз, проезжая мимо этого храма, Малыш Стенли останавливал свой огромный автобус прямо посреди трассы и под возмущения пассажиров отправлял своего помощника за одной из этих гирлянд, чтобы взамен оставить подаяние. Действо это повторялось много раз, так что было отточено до автоматизма, и каждый день и каждую ночь на маленьком алтаре, который устроил Малыш Стенли прямо на приборной доске автобуса, красовалась свежая гвоздичная гирлянда. Малыш Стенли верил, что, пока она будет там висеть, Иисус убережет его от любых бед на дороге. И не приведи Господь какому-нибудь неопытному гиду сделать замечание Малышу Стенли за незапланированную остановку, ведь любой, кто становился между Малышом Стенли и Иисусом, тут же становился врагом водителя этого автобуса.

Вишвас и Малыш Стенли были лучшими друзьями на протяжении последних семи лет. Я же проводил немало времени с ними обоими, и, как я уже говорил, с Малышом Стенли мы не были так близки, как с Вишвасом, но тем не менее, узнав печальные вести о нем, я был по-настоящему раздавлен.

Все началось за два месяца до этой злополучной поездки. Возвращаясь с работы, Малыш Стенли, как обычно, оставил автобус на стоянке и пересел на мотоцикл. В дороге, когда он уже подъезжал к своему дому, он зацепил ногой металлический штырь, что торчал из земли. Тогда водитель не придал этому значения, что стало его роковой ошибкой. Малыш Стенли страдал от сахарного диабета, и раны у него заживали очень долго, поэтому, когда спустя месяц нога все еще кровоточила, он не придал значения и этому. На второй месяц Стенли начал ощущать

боли в ноге. Пару раз он пытался попасть к врачу, но туристический сезон был в самом разгаре, и ему просто не удавалось взять выходной.

И вот, четыре дня назад, Малыш Стенли позвонил Вишвасу и пожаловался на жар и плохое самочувствие, а в конце разговора добавил: «Мой друг, нога темнеет и дурно пахнет». Вишвас сразу заподозрил худшее и велел ему немедленно ехать в клинику. В деревенском госпитале он провел всю ночь, ожидая врача. Доктор пришел к нему лишь под утро. Осмотрев Малыша Стенли, он велел немедленно везти его в окружной госпиталь, где хирургу хватило лишь одного взгляда, чтобы поставить неутешительный диагноз. «Плохо дело, отец, — сказал он, покачивая головой. — Это гангрена». Уже к вечеру Малышу Стенли отрезали три пальца на правой ноге. К утру он лишился ступни. А к вечеру второго дня врачи отняли ногу по самое колено. После этого Малыш Стенли навсегда мог позабыть о том, чтобы сесть за руль автобуса. Да и навряд ли он найдет хоть какую-то работу в стране, где живет миллиард здоровых рабочих рук. Теперь он был «половиной билета». И может, многие скажут: «Невелико дело! Он хотя бы остался жив». На что я отвечу: эти люди однозначно никогда не бывали в Индии.

Не знаю, что в этой стране страшнее — смерть или увечье. Судьба искалеченного мужчины в Индии незавидна. Отныне он будет получать грошовую пенсию от государства, на которую можно разве что умереть от голода, да ходить по дорогам, выпрашивая монетку у туристов, которые будут бросать ему десять рупий, лишь бы он от них отвязался, или навсегда станет обузой для своей семьи, которая и без того еле сводит концы с концами. И кто знает, чего именно в тот момент Малыш Стенли боялся больше.

Мое сердце сжималось, когда я представлял Малыша Стенли в этой роли. Он жил своей работой и отдавал ей все свои силы. Я не мог представить, что он будет делать теперь. Я все повторял себе: «Это же Малыш Стенли. Он обязательно со всем справится», — но тут же надо мной нависала мысль, которая убивала всякую надежду: половина чертового билета. И я даже не знаю, что злило меня больше в тот момент. Что все это случилось с таким славным человеком, как Малыш Стенли, или что никто во всем мире не заметит этого. Разве что мраморный крест на дороге, с которого никто теперь не снимет гвоздичную гирлянду. Да старина Вишвас, который с намокшими от слез глазами будет проезжать мимо этого креста. И, боюсь, даже я забуду об этом с годами. Ведь такова индийская жизнь. Таково индийское сердце — велико оно, но сделано из гранита.

В машине все так же висела тишина. Наконец Вишвас тихо произнес:

— Я его так не оставлю. Будет трудно, но мы что-нибудь придумаем. Я читал, что сейчас делают такие протезы, что получается совсем как настоящая нога. Ей можно даже двигать.

— Думаешь, такой можно достать в Индии? — спросил я тихо.

— Если можно, я обязательно его достану. — Он помрачнел еще сильнее. — Вот и остался я один в компании. Сначала Параб (еще один общий друг, который погиб два года назад в автокатастрофе), а теперь Стенли. — Вишвас был единственным человеком, который не звал его Малышом. Мне нечего было сказать. Я лишь похлопал приятеля по плечу. — Они еще не сказали дочерям. — Вишвас сплюнул бетель в окно. Полгода назад он избавился от этой дурной привычки, но, когда Малыш Стенли попал в больницу, Вишвас снова сорвался. — Дети думают, что папа просто приболел. И как им сказать об этом…

— Где сейчас его младшая дочь?

— У его старшего брата. Он обещал позаботиться о ней, пока Стенли в больнице. — Вишвас резко дернул рычаг коробки передач и закинул бетель под губу, отчего его речь вновь стала неразборчивой. — И как же все это случилось?

Затем Вишвас стих до самого госпиталя.

Хирургическое отделение в Индии — это одно из самых прискорбных мест, в которых мне довелось побывать. Палата пять на десять метров, в которой лежит примерно три дюжины больных на жестких некрашеных койках. На всех одна уборная и одна медсестра, которой про-

сто некогда достойно ухаживать за больными. Финансирование у индийских государственных больниц очень скудное. Здесь не хватает еды и персонала. А лечение зачастую сводится к удалению больного органа или обеспечению максимально безболезненного отхода в мир иной.

В палате было очень душно, не хватало воздуха. То там, то здесь валялись медицинские инструменты. Всюду слышались стоны больных, отходивших от наркоза и только пытавшихся оценить масштабы потерь. Те, кому повезло отделаться малой кровью, смотрели в потолок, стараясь не пересечься взглядом с теми, кому повезло меньше. Последние же смотрели лихорадочным взглядом, словно спрашивая: «И что же мне теперь делать?» Все в этой злополучной палате было пропитано страхом и болью.

Когда мы вошли, Малыш Стенли лежал без движения, глядя куда-то вдаль, далеко за пределы больницы. Его жена сидела рядом. Молчаливая, немолодая женщина, округлая и мягкая, совершенно противоположная Малышу Стенли. Вишвас уже был здесь несколько раз и вел меня за собой сквозь узкие проходы между кроватями. Больные провожали меня взглядом, пытаясь понять, к кому же идет этот белый и как его занесло в эту забытую всеми богами палату. Заметив нас, Малыш Стенли встрепенулся, как маленький воробей. Он стряхнул с себя все мысли и бодро сказал:

— Мои друзья! Рад вас видеть! — Он всеми силами старался не выдать своих беспокойных мыслей и боли, но было ясно, что дела его хуже некуда, ведь на моей памяти Малыш Стенли ни разу не назвал меня другом, и уж тем более ни разу не выказал радости относительно моего прихода. Он был нарочито радостен. Все в нем было ненормально и нездорово: его вид, его голос, его смех. Особенно его смех. Его маленькое тело было укрыто простыней. Вишвас аккуратно приподнял ее и осмотрел остаток ноги, словно хотел убедиться, не пропал ли с последнего визита еще кусок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.